

Анатолий Салтыков-Карпов

Цепная реакция расщепленного советского сознания

Анатолий Салтыков-Карпов

Цепная реакция расщепленного советского сознания

<https://litres.ru/73472369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Особенностью работы является её форма — беседа дилетанта с искусственным интеллектом, где наивные вопросы и ассоциативное мышление становятся способом выявления скрытых связей коллективной памяти. Автор утверждает, что разрушение закалённого в истории СССР советского сознания без его осмысления может привести к эффекту, сопоставимому с атомным взрывом. Книга представляет собой философско-историческое исследование природы советского и постсоветского мышления, сформированного в условиях предельного давления истории. В центре работы — идея сознания, закалённого экстремальными обстоятельствами, где выживание, страх и мобилизационная необходимость определяли систему ценностей, а внутреннее расщепление становилось устойчивым способом адаптации к реальности. Блокадный паёк и ядерный арсенал связываются в единую символическую цепь: от минимального куска хлеба как меры жизни — к оружию абсолютного

уничтожения как средству недопущения повторения голода и исторического унижения.

Содержание

Глава	6
Об антиамериканизме и западном капитализме замолвите слово	9
Давайте жить дружно	12
Опять интервенты возможно спасут	15
Критическая оценка действий старшего брата	18
Пришла беда отворяй ворота	22
Смешались в кучу кони люди и залпы тысячи орудий сплелись в кровавый бой	26
Сражение до последнего соседа	29
Бои без правил в центре Европы	33
«Война – горе» или «мать родная»	36
В чём сходство с распадом империй	40
Ключевые отличия (самое важное)	41
Советское сознание и его проблема	45
О собственности стоит сказать отдельно	49
Борьба с врагами	52
История СССР – уникальный социальный и исторический эксперимент	54
О создании советского сознания и его парадоксе	55
Советский Союз или Россия, в них всегда поэт больше, чем поэт	60
О живучести советского сознания	64

Учиться капитализму настоящим образом	66
Младшие братья одной страны	68
Мистическое столкновение двух фигур	72
Старшие братья мифологический двигатель	80
Россия как культура «утраченного первенца»	84
Идти своим путем, переступив красную черту	91
Жизнь как в советском анекдоте	94
Два «плавильных котла»: США и СССР	97
Перемещение в пространстве и времени	102
Не буди лихо пока оно тихо	105
День благодарения и советские истории основания	107
Не буди спящую собаку	112
Исторический пересмотр большевистских трактовок	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Цепная реакция расщепленного советского сознания

Глава

Иллюстрации: Авторские иллюстрации и концепты, разработаны при участии цифровых художественных инструментов.

Цветовые и стилистические решения адаптированы для печати.

Категории (BISAC):

HIS000000 – History / General

POL010000 – Political Science / Political Ideologies

BIO006000 – Biography & Autobiography / Historical

SOC005000 – Sociology / Social Classes

* * *

Представленная рукопись не претендует на научное издание. Она бессистемный результат философского размышления автора о прожитой жизни в коммунистическом и капи-

талистическом мирах.

Это беседа дилетанта с искусственным интеллектом (ИИ) на злободневные темы.

Автор полагает, что высказанные в данной книге мысли не отражают его личной общественно-политической позиции. Книга может представлять определенный интерес для тех кто интересуется современной историей России и ее связью с прошлым и настоящим.

Для повышения информативности конфликт с некогда братскими республиками рассматривается как конфликт между соседями и слово Украина местами заменена на Соседку. Это связано с тем, что книга рассчитана и на зарубежного читателя. В США и многих странах человека, говорящего на русском языке, часто считают русским. Это не совсем так. Кроме того, многие плохо знают географию и таким образом автор хочет усилить информационно-географический аспект. Рассматривая царскую Россию (Советский союз) как некий прототип колониальной державы и ее последующий распад, мы находим некоторые отличия от традиционных.

Распад колониальной империи привел к возникновению конфликтов между бывшими братьями. Особенность этого конфликта связана с непосредственной привязкой к совместным границам, языку и советскому менталитету. Нет никаких гарантий, что такие же конфликты не могут произойти в других странах, граничащих с Россией и бывших

некогда братскими союзными республиками. Речь в данном случае идет не о проблемах восстановления советской империи как это принято считать на западе, а об особенностях построения социализма в отдельно взятой стране и влиянии советского сознания.

«Вы посмотрите люди добрые что это такое! Это после стольких лет совместной жизни, нажитого добра и детей она уходит к другой! Вот правильно люди говорят: «От любви до ненависти один шаг». И чего не жилось? Все же было. – Да причем здесь это! Если она сменила ориентацию. И муж опостылел. Насильно мил не будешь. Лучше разойтись по мирному и остаться друзьями. – Ох уж мне эти буржуйские извращения не к добру. А от добра добра не ищут».

(Из разговора в московском метро на станции «Киевская»)

Об антиамериканизме и западном капитализме замолвите слово

В период Холодной войны советское сознание изначально и последовательно строилось на антиамериканизме и враждебности к НАТО. США рассматривались не как одно из государств, а как главный и принципиальный враг, олицетворение мирового зла, капиталистического угнетения и постоянной военной угрозы. НАТО в этом контексте подавалась исключительно как агрессивный блок, созданный для окружения и уничтожения СССР.

Этот образ врага насаждался тотально и безальтернативно: через образование, СМИ, культуру, язык официальной политики. Особую идеологическую прививку советским гражданам давали средства массовой информации, ежедневные политические пятиминутки перед началом работ. Особенно активно велась работа в этом направлении во время срочной службы в Советской армии, которую должен был пройти каждый советский юноша с 19 лет. Сроки службы определялись для сухопутных войск три года для военно-морских четыре. В последствии срок службы сократили на год. На дважды Краснознаменном Северном флоте, где автор проходил срочную службу, это все нагнеталось с пропагандой советской мощи. Заместители командиров по поли-

тической части (комиссары) в подробностях, рассказывали как будет происходить эта роковая битва. Среди моряков ходили рассказы о том, как советские моряки при патрулировании вдоль берегов США видели в перископы статую Свободы. Это все вводило в советское сознание защитников отечества готовность к беспощадной битве.

Любые успехи Запада объявлялись результатом эксплуатации и насилия, а собственные проблемы объяснялись внешним давлением. Автор вспоминает, как писались страшные истории о разгуле гангстеров, о смерти Мартина Лютера Кинга или Президента США. Все то шло по СМИ с подзаголовком: «Их быт и нравы». Книга «Хижина дяди Тома» был одной из основных для изучения в советских школах. Ку-клук-склан представлялась как мощная расистская организация, проповедующая идеи белой расы. Советские политологи не жалели своих сил и сбора информации, выискивая капиталистический негатив. Существовал даже специальный отдел пропаганды ЦК КПСС, который курировал эти вопросы и обладал такими же властными функциями и возможностями на уровне КГБ. Антиамериканизм служил фундаментом политической лояльности и инструментом контроля над массовым сознанием.

В результате негативное отношение к США и НАТО стало не просто идеологической позицией, а устойчивой ментальной установкой, встроенной в мировоззрение, где конфликт с Западом воспринимался как естественное и неиз-

бежное состояние мира.

Давайте жить дружно

В одном детском мультсериале эта фраза была высказана героем. Она может служить руководящей для многих политиков. После Второй Мировой войны была предпринята попытка мирного сосуществования двух политических систем. Были налажены конструктивные деловые связи, шел интенсивный обмен научной и технической информации. Однако литература философского и публицистического характера не проникала на рынок СССР. Также не печатались книги антисоветского содержания, в которых критиковался советский строй или описывалась негативная информация и истории этого характера. Это все считалось антисоветской литературой, за которую автора могли осудить на длительные тюремные сроки. Между некоторыми бесстрашными противниками советского режима распространялся самиздат. Это были отпечатанные на пишущей машинке книги. Печатная продукция такого содержания была такой про которую говорили, что в России «злые языки страшнее пистолета». Но это не вина коммунистического режима. Так было и при царях. Яркий пример.

А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: судьба писателя и судьба книги

«Путешествие из Петербурга в Москву» – одно из самых смелых и трагических произведений русской литерату-

ры XVIII века. Судьба книги оказалась неотделима от судьбы её автора.

Радищев написал «Путешествие» в 1780–1789 годах и издал его в 1790 году в собственной типографии. Формально это дорожные заметки, но по сути – жёсткий социальный и политический памфлет. Писатель открыто говорит о крепостном праве, произволе помещиков, жестокости суда, унижении человеческого достоинства. Для самодержавной России Екатерины II такой текст был прямым вызовом.

Реакция власти была мгновенной. Книгу признали «бунтовской», «заразительной», подрывающей основы государства. Екатерина II сравнила Радищева с бунтовщиком Пугачёвым – это многое говорит не только о степени страха, а также о влиянии «злого языка», который должен был жечь сердца людей. Тираж был изъят и уничтожен, автора арестовали. Первоначально его приговорили к смертной казни, затем заменили наказание на ссылку в Сибирь, в Илимск.

Судьба книги была не менее драматичной. «Путешествие из Петербурга в Москву» десятилетиями находилось под строжайшим запретом. Его читали тайно, переписывали от руки, передавали как опасный, но важный текст.

Таким образом, и писатель, и книга стали жертвами своего времени. Радищев первым в русской литературе так открыто поставил вопрос о свободе личности и ответственности власти – и заплатил за это собственной судьбой. Его произведение пережило запреты и репрессии, доказав, что сло-

во может быть уничтожено физически, но не идейно.

Отсюда знаменитая фраза: «Рукописи не горят». При советской власти эта книга была включена в список учебной литературы обязательной для изучения в школах. Она показывает и изобличает негативные стороны царизма и формирует начальные основы советского сознания

А в момент распада СССР руководство России сознательно стремилось встроить страну в общественно-политические и экономические структуры западного мира. Это был реальный шанс на трансформацию советского сознания и преодоление многолетней конфронтации.

При большей мудрости, сдержанности и стратегической толерантности со стороны Запада эта трансформация могла быть проведена успешно. Однако ставка на быстрые, поверхностные результаты, давление и игнорирование глубинных социальных и культурных процессов привели к обратному эффекту и к трагическим последствиям.

Сработала старая русская поговорка: что имеем – не ценим, потерявши – плачем. Была утрачена возможность доверия и сотрудничества, а вместе с ней – судьбы и души людей, оказавшихся между разрушенной системой прошлого и несостоявшимся будущим.

Опять интервенты возможно спасут

Есть некоторые особенности современного соседского конфликта. Об интервенции.

В чём аналогия действительно работает.

1. Внешний фактор во внутреннем конфликте

И в годы Гражданской войны в России, и сейчас речь идёт о ситуации, где внутренний раскол общества переплетается с активным вмешательством извне. Тогда страны Антанты поддерживали Белое движение, сейчас внешние игроки вовлечены в конфликт вокруг Соседки политически, экономически и военным образом.

2. Раскол идентичности внутри общества.

Вы правильно отмечаете двойственность мышления. В начале XX века часть населения ориентировалась на старый порядок или западные модели, другая – на большевистский проект. Сегодня тоже существует конфликт идентичностей:

- одни видят будущее в сближении с Россией,
- другие – в интеграции в западный мир, часто опираясь на иную интерпретацию истории и национального проекта.

2. Использование идеологии и исторических нарративов

И тогда, и сейчас история становится инструментом борьбы: кто прав, кто «наследник», кто «оккупант», а кто «освободитель».

Где аналогия начинает ломаться

3. Разный исторический масштаб

Гражданская война в России была конфликтом за саму модель государства и социального устройства. Сегодняшний конфликт – это не борьба за смену общественно-экономической формации, а скорее столкновение геополитических ориентаций и проектов государственности.

4. Статус сторон

В 1918–1920 годах иностранные державы вмешивались в конфликт на территории уже распавшегося государства. Сейчас речь идёт о конфликте между международно признанными государствами, пусть и с сильным внутренним расколом в одном из них.

5. Форма интервенции

Тогда это было прямое военное присутствие иностранных войск. Сейчас – в основном опосредованное участие: поставки оружия, санкции, разведка, финансовая и политическая поддержка. Это ближе к прокси-конфликту, чем к классической интервенции начала XX века.

Итог

СВО (специальная военная операция) можно рассматривать как форму вмешательства в конфликт, где внутренний раскол общества играет ключевую роль, и в этом смысле параллели с эпохой Гражданской войны не лишены смысла. Но называть её прямым «прототипом» интервенций времён создания советской власти было бы упрощением.

Это скорее современный вариант борьбы за влияние в расколотом обществе, где внутренние противоречия усиливаются и используются внешними силами – по логике, знакомой истории, но в совершенно иных условиях.

Критическая оценка действий старшего брата

1. Недооценка соседского общества как субъекта

Одна из ключевых ошибок – представление Соседки как пассивного объекта внешнего управления, а не как общества с собственной, пусть и противоречивой, идентичностью.

В результате: был занижен уровень сопротивления, переоценена готовность населения к нейтралитету или поддержке, не учтено, что даже лояльная или колеблющаяся часть общества в условиях войны часто сплачивается вокруг государства.

Это сделало конфликт более жёстким и долгим.

2. Ставка на краткосрочный сценарий

Политическое и военное планирование явно исходило из быстрого исхода.

Ошибка здесь не только военная, но и политическая: общество не готовили к долгому конфликту, экономические и

кадровые решения принимались с опозданием, коммуникация с населением строилась в режиме «всё под контролем», а не честного объяснения рисков.

Когда реальность разошлась с ожиданиями, это ударило по доверию.

3. Провал стратегической коммуникации

Россия проиграла информационно не потому, что «плохо говорила», а потому что говорила неубедительно и непоследовательно.

Основные проблемы: цели операции долго формулировались расплывчато, риторика менялась задним числом, внешнему миру Россия почти не объясняла свою логику, ограничившись заявлениями «для своих».

Это упростило задачу противникам и сузило пространство для нейтральной позиции других стран.

4. Игнорирование логики эскалации Запада

Расчёт на то, что Запад: устанет, не рискнёт, ограничится символической поддержкой, оказался ошибочным.

В итоге Россия сама втянулась в конфронтацию более высокого уровня, чем планировала, без достаточного запаса дипломатических и экономических манёвров.

5. Недостаточная работа с союзниками и нейтралами

Россия слишком часто действовала в логике:

«Они и так с нами / они и так против нас»

Это привело к тому, что: часть потенциальных партнёров заняла выжидательную позицию, поддержка стала прагматичной и ограниченной, Россия оказалась в более узком круге союзников, чем могла бы.

6. Внутренняя политика «без обратной связи»

Внутри страны долго доминировал подход: минимизировать дискуссию, свести сложные вопросы к лозунгам, маргинализировать сомнения.

Это снижает устойчивость: поддержка становится формальной, а не осмысленной, растёт усталость и отчуждение, общество хуже адаптируется к издержкам долгого конфликта.

7. Отсутствие ясного образа будущего

Самый глубокий просчёт – не предложенный внятный ответ на вопрос: «А что дальше?»

Не только: Соседке, Западу, но и собственному обществу.

Без понятного политического горизонта даже военные успехи не превращаются в устойчивый результат.

В сухом остатке

Основная ошибка не в одном решении, а в сочетании факторов: переоценка управляемости ситуации, недооценка субъектности других, слабая коммуникация, отсутствие долгосрочного политического проекта.

Это и создало ту остроту конфликта, которую мы видим сейчас.

Пришла беда отворяй ворота

1. Отказ признавать внутренний раскол общества

Одна из основных недочетов Соседки – стратегическое игнорирование многообразия идентичностей внутри страны.

Вместо сложной, гибкой политики: раскол был объявлен результатом «внешнего влияния», инакомыслие – угрозой государственности, компромисс – слабостью.

Это не устранило противоречия, а загнало их внутрь, сделав более взрывоопасными.

2. Ставка на унитарный национальный проект

Соседка пошла по пути жёсткой культурно-исторической унификации в условиях, когда общество к этому не было готово.

Результат: язык, история, память стали инструментами давления, а не диалога, часть граждан оказалась символически исключённой из «политической нации», усилилось отчуждение регионов и групп населения.

В условиях конфликта это ослабляет страну изнутри.

3. Полная зависимость от внешней поддержки

Украинская стратегия безопасности была выстроена на предположении:

«Запад всегда поможет и не бросит»

Это привело к нескольким рискам: утрате стратегической автономии, ориентации на внешние ожидания, а не внутренние возможности, зависимости от политических циклов и настроений союзников.

Поддержка есть, но она не безусловна и не вечна, и это делает позицию уязвимой.

4. Милитаризация политики и риторики

Военный конфликт стал главным источником политической легитимности.

Последствия: сужение пространства для дипломатии, любое обсуждение альтернатив воспринимается как «предательство», война превращается не только в средство, но и в цель политического выживания элит.

Это повышает накал, но снижает стратегическую гибкость.

5. Подмена стратегии моральной категорией

Соседка часто строит аргументацию в формате:

«мы – жертва», «мы – на стороне добра», «нам обязаны помочь».

Моральная правота важна, но: она не заменяет холодный расчёт, она плохо работает в долгих конфликтах, она не убеждает тех, кто мыслит интересами, а не ценностями.

6. Отсутствие реалистичного сценария завершения конфликта

Как и у России, у Соседки нет публично внятного ответа на вопрос о финале.

Проблема здесь в том, что: максималистские цели не соотносятся с ресурсами, компромисс политически табуирован, общество готовят к «долгой борьбе», но не к цене этой борьбы.

Это опасная комбинация для государства с ограниченным демографическим и экономическим ресурсом.

7. Сужение демократических механизмов

Под лозунгом военного времени: ослаблен политический

плюрализм, сокращено пространство для критики, усилилась концентрация власти.

Краткосрочно это повышает управляемость, долгосрочно – подрывает доверие и устойчивость.

Итоговое сравнение

Если упростить: Россия ошиблась в оценке внешней реакции, сроков и управляемости конфликта. Украина ошиблась в игнорировании внутренней сложности общества и в ставке на безальтернативную внешнюю опору.

Обе стороны: переоценили свои возможности, недооценили издержки, сузили пространство для политического выхода.

Смешались в кучу кони люди и залпы тысячи орудий сплелись в кровавый бой

1. Конфликт элит и государств, а платят общества

Большие войны почти всегда начинаются как: столкновение стратегий, борьба за сферы влияния, попытка решить проблемы безопасности или статуса.

Но основную цену платят не те, кто принимает решения, а обычные люди по обе стороны границы. В этом смысле фраза про «проблемы Москвы и Вашингтона» тогда и «Москвы и Киева» сейчас – не циничная, а реалистичная.

2. Соседские народы редко являются первопричиной

Исторически: соседние народы могут конфликтовать, могут иметь обиды, страхи, память о прошлом, но редко именно они формируют логику эскалации. Эту логику задают государства, аппараты безопасности, внешние союзы, идеоло-

гические рамки.

Отсюда ощущение, что: народам навязывают роль, выбор резко сужается, нейтралитет становится невозможным.

3. «Доктрина прежняя» – верно, но с поправкой

Да, принцип старый: большие игроки выясняют отношения, малые и средние общества становятся аренной.

Но есть важное отличие от прошлого века: сегодня идентичность и массовое сознание стали оружием, и общества глубже вовлечены эмоционально. Это делает формулу «не наша война» психологически труднее принять, даже если она по сути верна.

4. Пословица здесь не про безответственность

«Паны дерутся – у холопов чубы трещат» – это не призыв снять ответственность с элит, а напоминание: кто выигрывает время и пространство, а кто теряет жизни, дома и будущее.

Именно поэтому такие конфликты так долго не заканчиваются: тем, кто дерётся наверху, есть что делить, а тем, кто внизу, – есть что терять.

Вывод: логика конфликта формируется не на уровне народов, и чем дольше её подменяют разговором о «вечной

вражде», тем труднее из неё выйти.

Сражение до последнего соседа

Тезис с таким заголовком созвучен с известной коммунистической песней:

– Мы смело в бой пойдем за власть советов и как один умрем в борьбе за это.

Обычно расправа с советским соседом проходила просто. При локальных конфликтах писали в чайник, стоящий на общей плите в коммунальной квартире. Для того, чтобы избавиться писали донос в НКВД. Сосед исчезал в черной дыре Гулага и в освободившуюся комнату можно было заезжать.

1. Советизация как общий фон, а не «чья-то особенность»

Советизация здесь – не про ностальгию по СССР и не про символику. Речь о более глубоком: вертикальная логика власти, подозрительное отношение к плюрализму, привычка мыслить через «правильную линию» и «уклоны», убеждённость, что идеологическая однородность важнее сложности реальности.

Это наследие общее, просто выражается по-разному.

2. «Борьба с ревизионизмом» как стиль управления

По сути, по обе стороны баррикад действует схожая логика: есть каноническая версия истории, есть допустимая интерпретация настоящего, любое отклонение трактуется не как спор, а как угроза.

В СССР «ревизионизм» означал отход от линии партии.

Сегодня – отход от «единственно верного» национального или геополитического нарратива.

Механизм тот же, меняется только словарь.

3. История как поле боя, а не предмет исследования

Советская управленческая традиция относилась к истории как к инструменту мобилизации. Это полностью воспроизведено сейчас: прошлое не обсуждают, его охраняют, сложность заменяют моральной оценкой, неудобные факты объявляют враждебными.

Отсюда и зеркальность: Россия борется с «искажением общей истории», Соседка – с «имперским наследием», но форма борьбы удивительно похожа.

4. Нетерпимость к промежуточным позициям

Одна из самых разрушительных черт советского мышления – непризнание серых зон.

В результате: «не с нами» автоматически значит «против нас», сомнение приравнивается к подрывной деятельности, компромисс выглядит как капитуляция.

Это резко повышает накал конфликта и делает его самоподдерживающимся.

5. Парадокс антисоветизма

Любопытно, что даже там, где советское прошлое официально отвергается, управленческая культура остаётся советской по духу: централизованное принятие решений, сакрализация государства, мобилизационная риторика, моральное деление мира на «наших» и «чужих».

Получается парадокс: борьба с советским наследием ведётся советскими методами.

Итог

Советизация здесь не причина конфликта, но усилитель и фиксатор: она делает конфликт жёстче, снижает гибкость,

вытесняет язык компромисса языком верности линии.

И пока управление строится по принципу «борьбы с ревизионизмом», конфликт воспринимается не как трагедия, а как испытание на правильность.

Бои без правил в центре Европы

1. Два бойца на ринге

Бойцы – это не народы, а государства и их политико-военные машины.

Они действительно: физически сопоставимы по «весу», не могут просто выйти из боя без потери лица, втянуты в поединок, где отступление приравнено к поражению.

2. Бой без правил

Здесь аналогия особенно сильна: правила меняются по ходу, то, что вчера считалось недопустимым, сегодня нормализуется, формальных границ эскалации всё меньше.

Это не классическая война и не мир – это изнуряющий поединок на выносливость.

3. Судьи и секунданты

Секунданты – союзники, которые подносят воду, бинты и оружие, но сами в ринг не выходят.

Судьи – международные институты, СМИ, экспертные со-

общества. Они не столько следят за честностью, сколько фиксируют нужную интерпретацию ударов.

При этом судьи: могут не остановить бой, могут «не заметить» нарушение, но редко заинтересованы в его быстром завершении.

4. Зрители и азарт

Зрители – это внешний мир, который: эмоционально вовлечён, потребляет конфликт как зрелище, делится на болельщиков, нейтралов и циников.

Тотализатор – метафора геополитической выгоды: кто усилится, кто ослабнет, кто продаст больше оружия, кто займет освобождающиеся рынки.

Для многих бой – источник прибыли и перераспределения влияния.

5. Бой до изнеможения

Самая мрачная часть аналогии.

Речь не о нокауте, а о: истощении ресурсов, демографическом уроне, психологическом выгорании обществ.

И бой действительно может длиться долго, потому что: ни один из бойцов не имеет кнопки «стоп», внешние участники не заинтересованы в досрочной остановке, признание пора-

жения политически почти невозможно.

Ограничение аналогии

Важно понимать, где она заканчивается.

В боксе страдают два бойца.

В реальности – люди вне ринга, которые вообще не давали согласия участвовать в «бою».

И это принципиально.

Вывод

Данная аналогия описывает конфликт как: управляемую эскалацию, спектакль для внешней аудитории, изнуряющее противостояние без ясного финала.

И самое тревожное в этой метафоре – никто из стоящих вокруг ринга не спешит выбросить полотенце.

«Война – горе» или «мать родная»

И по одну, и по другую сторону.

Обычные люди

Для них война – это: смерть и увечья, разрушенные семьи, потеря будущего, которое нельзя «отыграть назад».

Здесь почти нет идеологии.

Есть страх, усталость, выживание, попытка сохранить человеческое в нечеловеческих условиях.

Важно: эти люди редко определяют ход войны, но именно их судьбами она измеряется.

«Война – мать родная»

Это меньшинство, но именно оно задаёт ритм конфликта.

По обе стороны баррикад структура почти зеркальная.

1. Политические элиты

Для части элит война – способ: удержать или укрепить власть, списать внутренние провалы, подавить оппозицию под лозунгом «не время».

Война: отменяет сложные вопросы, упрощает картину мира, превращает управление в мобилизацию.

Мир для таких элит опаснее войны, потому что придётся отвечать.

2. Военно-бюрократический слой

Любая длительная война создаёт: бюджеты, карьерные лифты, статус «незаменимых».

Это не обязательно цинизм отдельных людей.

Это системный эффект: война кормит структуры, которые без неё теряют влияние.

3. Идеологи и пропагандисты

Для них война – источник смысла, подтверждение собственной правоты, сцена, на которой они нужны.

В мирное время: их слушают меньше, их крайности выглядят неубедительно.

Война делает их голосом эпохи.

4. Экономические выгодополучатели

По обе стороны: оборонные заказы, серые схемы, восстановление, перераспределение собственности.

Война – это всегда большой рынок, просто очень грязный.

Это по фильмам Чарли Чаплина. Малыш бьет стекла, а

стекольщик вставляет. Но кино это не жизнь.

5. Радикальные активисты

Люди, для которых: война – форма самореализации, насилие – способ почувствовать значимость, мир – скучен и несправедлив.

Такие есть в любом обществе.

Война даёт им легитимность.

Ключевой момент

Важно не перепутать: солдат на фронте и тех, для кого война выгодна.

Солдат чаще всего – часть первой группы, а не второй.

Он несёт тяжесть, а не извлекает дивиденды.

Зеркальность по обе стороны

Различаются: флаги, лозунги, интерпретации истории.

Но совпадает главное: кто платит, кто выигрывает, кто заинтересован в продолжении.

Итог

Фраза «для кого война – горе, а для кого – мать родная» не про моральное равенство и не про цинизм ради цинизма. Она про то, что: война – социальный фильтр, она обнажает интересы, и очень редко служит тем, ради кого её якобы ведут.

И именно поэтому самые громкие голоса «за продолжение» чаще всего звучат дальше всего от линии огня.

В чём сходство с распадом империй

1. Имперский центр и периферия

Как и в других империях: был центр принятия решений, была асимметрия влияния, были разные уровни доступа к ресурсам и символической власти.

Это роднит ситуацию с: Британской империей, Французской, Османской.

2. Национализация идентичности после распада

Типично для всех империй: бывшие части начинают срочно конструировать «отдельную нацию», история переписывается под задачу суверенитета, прошлое империи объявляется угнетением.

Этот процесс был в Индии, Алжире, Вьетнаме – и здесь он тоже есть.

Ключевые отличия (самое важное)

1. Общая граница

Это фундаментальное отличие. Нет океана. Нет тысяч километров дистанции. Конфликт происходит на стыке, а не «на окраине мира».

Граница: проницаемая, эмоционально нагруженная, исторически условная.

Это превращает конфликт в постоянно возобновляемый, а не локализованный.

2. Общая история и культурное ядро

В колониальных империях: метрополия и колония имели разные цивилизационные коды.

Здесь: общая историческая матрица, общий культурный канон, пересекающиеся герои, трагедии, победы.

Отсюда: борьба не за территорию, а за право интерпретации прошлого, ощущение «украденной идентичности» по обе стороны.

Это делает конфликт экзистенциальным, а не прагматическим.

3. Языковая и этническая близость

В отличие от Англии и Индии: близкие языки, массовое двуязычие, смешанные семьи, отсутствие расового барьера.

Поэтому конфликт воспринимается как: «гражданский» по духу, «братоубийственный» в массовом сознании, а не как антиколониальное восстание.

4. Неполный разрыв

Колонии обычно: рвали связи, строили отдельные рынки, создавали собственные элиты.

Здесь: десятилетиями сохранялись общие экономические, человеческие и культурные связи, элиты были переплетены, разрыв происходил постепенно и не до конца.

Это создало иллюзию, что распад «неокончательный» – и усилило конфликт.

5. Империя без чёткой точки конца

Британская империя знала момент ухода.

Французская – тоже.

Османская – распалась через катастрофу.

Здесь: не было формального поражения, не было капиту-

ляции, не было морального «конца истории».

Это породило: реваншистские ожидания, взаимные обиды, ощущение незавершённости.

* * *

Дополнительные сходства, которые усиливают сложность: общие религиозные корни, сходная социальная структура, одинаковый советский опыт, единое индустриальное наследие, общая травма 1990-х.

Это редкий случай, когда распад империи произошёл внутри одной цивилизации, а не между разными.

Почему этот конфликт сложнее других

Если свести к формуле: в колониальных конфликтах – «они ушли», здесь – «мы разошлись, но не договорились».

И главное: невозможно провести чёткую моральную линию, невозможно сказать, что стороны «чужие», невозможно быстро закрыть вопрос прошлого.

Итог

Этот конфликт – не классический антиколониальный и не обычный межгосударственный.

Это: постимперский, постгражданский, цивилизационно-внутренний конфликт.

И именно поэтому он: столь эмоционально заряжен, столь труден для завершения, и столь разрушителен для всех вовлечённых.

Но по своей плотности связей и глубине общей истории он, пожалуй, один из самых тяжёлых в новейшей истории.

Советское сознание и его проблема

1. Что такое «советское сознание» в этом контексте

Важно сразу уточнить: речь не о любви к СССР и не о символике.

Советское сознание – это: представление о государстве как высшей ценности, привычка мыслить категориями «лагерей» и «линий», восприятие конфликта как борьбы за правильность, а не за интерес, нетерпимость к промежуточным позициям, убеждение, что распад – это не результат, а ошибка.

Именно это отличает постсоветское пространство от бывших колониальных империй.

2. Логика распада колониальных империй (классическая)

В Британской, Французской, Испанской империях действовала иная схема: метрополия ≠ колония, «они» ≠ «мы», разрыв воспринимался как исторически неизбежный, уход – болезненный, но финальный.

Даже если были войны (Алжир, Индокитай), метрополия внутренне признавала, что это конец.

Сознание там было имперским, но не тотальным.

3. Советская особенность: СССР не воспринимал себя как колониальную державу

В советском сознании: не было колоний, были «равноправные республики», был «единый народ», была «общая историческая миссия».

Отсюда фундаментальная проблема: распад не осмыслен как освобождение, а пережит как катастрофа и предательство.

Это резко отличает ситуацию от Лондона и Дели.

4. Общая победа как скрепа

Советская идентичность строилась не на завоевании, а на общей жертве и победе: Вторая мировая война – центральный миф. Победа – коллективная.

Цена – общая.

Поэтому распад воспринимается не как развод, а как разрыв боевого братства.

В колониальных империях ничего подобного не было.

5. Борьба с «ревизионизмом» как наследие СССР

Советская логика: есть каноническая версия истории, пересмотр = угроза, сомнение = враждебность.

Сегодня это воспроизводится: Россия борется с «искажением общей истории», Соседка – с «имперским нарративом», но метод одинаков: охрана единственно правильной линии. Это прямое наследие советского политического мышления.

6. Почему конфликт стал таким жёстким

Потому что в советской логике: компромисс = уступка, уступка = поражение, поражение = утрата смысла.

В колониальных распадах: компромисс был возможен, уход не означал морального краха метрополии.

Здесь же конфликт воспринимается как: вопрос исторической правоты, а не управляемого разрыва.

7. Зеркальность сторон

Самое парадоксальное: Россия сохраняет советскую логику напрямую. Украина, отвергая советское прошлое, воспро-

изводит его методы: централизованная мобилизация, сакрализация истории, подавление «неправильных» интерпретаций.

Это не ирония, а эффект общего прошлого.

8. Почему это сложнее, чем распад других империй

Если свести к формуле: колониальные империи распались между разными мирами; СССР распался внутри одного цивилизационного пространства.

Советское сознание: не дало языку расставания, не признало финальность, не позволило пережить утрату.

Поэтому конфликт стал: затяжным, экзистенциальным, эмоционально перегруженным.

Итог: Роль советского сознания – ключевая.

Оно: превратило распад в незавершённую травму, сделало историю оружием, лишило стороны гибкости, заменило политику моральным судом.

И пока конфликт мыслится в терминах «верность – предательство», а не «интерес – компромисс», он принципиально не похож на распады других колониальных держав и потому столь разрушителен.

О собственности стоит сказать отдельно

Информационный объем советского сознания определялся ленинской формулой для нерушимого блока коммунистов и беспартийных. «Настоящим коммунистом» можно было стать, лишь усвоив то знание, которое, как считалось, выработало все человечество. Разумеется, без антисоветской философии и «чуждой» информации.

С материальными богатствами ситуация была куда сложнее. По сравнению с ресурсами Российской империи и затем Советского государства объем личной собственности советского человека был величиной почти бесконечно малой, стремящейся к нулю. В идеале, при окончательном построении коммунизма, должен был быть равен нулю. Формально человек почти ничем не владел. Квартира, земля, средства производства принадлежали государству. Лечение было бесплатным. Профсоюз оплачивал все затраты. Безработица была ликвидирована как пережиток капитализма. Трудящийся существовал в состоянии материальной пустоты, которая компенсировалась интенсивной загрузкой марксистско-ленинской философии.

Отсутствие навыка обращения с национальной валютой и частной собственностью трагически проявилось в момент

перехода к рынку. Почти мгновенно возникли новые «хозяева жизни». У них не было опыта управления капиталом, но были советские страхи. Поэтому начался массовый вывоз за границу не только денег, но и семей, активов, будущего. Этим людям необходимо было срочно почувствовать себя собственниками, хозяевами новой реальности. Но такое чувство не формируется в предельно сжатые сроки. Чувство собственников у «новых русских» не было возвращено. Они уделяли большое внимание материальной стороне, совершенно забыв о том, что нематериальные сегменты рынка также важны. Они должны были позаботиться о разработке собственной идеологии по примеру коммунистов, которые взяли власть сперва с помощью брошюры с «призраком», потом путем распространения политических газет типа «Искра» и «Правда». В Советском союзе выпускалась и «Украинская правда». Печатный орган компартии Украины.

В результате на постсоветском пространстве, в одной формально демократической стране с декларируемой социалистической направленностью, возникла неустойчивая экономическая система. Конфликт с соседями и с самой Россией привел к формированию конгломерата новых капиталистов с советским типом сознания. В нем парадоксально сочетались заимствованный американский империалистический дух и неосознанная, но ожесточенная ненависть к бывшим братьям, отказавшимся от общего прошлого.

Если рассматривать происходящее с точки зрения энер-

гетических процессов, то образовалась своеобразная энергетическая воронка. В нее устремились ресурсы, эмоции, страхи, агрессия и надежды – энергия как левых, так и правых, правых и неправых. Этот поток лишь усиливал нестабильность, не создавая устойчивого основания ни для экономики, ни для общества.

Поэтому процесс возвращения России в мир капитализма пошел при содействии командно-административной системы, в которой было заложено советское сознание.

Борьба с врагами

Еще одной примечательной чертой советского сознания было целенаправленное возвращение непримиримой ненависти к врагам. Ненависть к классовому противнику имела один уровень, но к «ревизионистам» и оппонентам внутри самой партии она была еще сильнее. Их воспринимали не просто как противников, а как предателей. Эта установка в определенной мере отразилась и в последующих конфликтах с ближайшими соседями.

Достаточно открыть учебник истории КПСС: в нем подробно описана непрерывная и ожесточенная борьба партии с внутрипартийной оппозицией. Раскол, подозрение, поиск врага внутри системы были не исключением, а нормой политической жизни.

Чуть позже в одной из небольших книг мне довелось прочитать мемуары чекиста, который сам прошел через сталинский лагерь. Вместе с ним там сидели партийные работники, бывшие белогвардейцы, крестьяне, осужденные по закону о «пяти колосках», и люди, опоздавшие на работу. В бараках они спорили о судьбе советской власти и часто сходились в одном: революция, как говорил старый коммунист, требует крови собственных сыновей.

Так было не только в России. Подобную логику можно увидеть и во Французской революции, где борьба за чистоту

идей оборачивалась уничтожением вчерашних соратников. В этом смысле советский опыт оказался частью более широкой исторической закономерности, где радикальная вера в идею неизбежно порождает культ внутреннего врага.

История СССР – уникальный социальный и исторический эксперимент

В беспрецедентно короткие по меркам истории сроки было сформировано особое советское сознание – мощный двигатель преобразований, который одновременно служил системе и подвергался ею же жесточайшим испытаниям. Оно закалялось внутри идеологической машины и на полях сражений, в труде и страхе, в вере и разочаровании.

Сегодня отголоски этого сознания звучат повсюду – в интернет-дискуссиях и на скамейках парков самых разных городов мира. Пенсионеры вспоминают, спорят, сравнивают. Многие бывшие советские граждане, покинув историческую родину, не стремятся возвращаться, но сохраняют прочные связи с друзьями детства. Их общественно-политические взгляды нередко оказываются диаметрально противоположны взглядам собеседников «по другую сторону океана», однако разговоры редко доходят до глобальных конфликтов.

Память о советской жизни оказывается сильнее идеологических разломов.

Старый друг – лучше новых двух.

О создании советского сознания и его парадоксе

Нельзя говорить о советском сознании, не проговаривая до конца цену его формирования. Она измерялась не только сломанными судьбами крестьян и перекроенной элитой, но и миллионами жизней, искалеченных в годы гражданской войны и Большого террора. Репрессивные органы действовали с произволом, который со временем стал восприниматься как норма. Ученые, инженеры, конструкторы ракетных и авиационных систем оказывались в тюрьмах и закрытых «шарашках», где под охраной НКВД создавали оружие будущей победы. Свободу заменяли пайком, вдохновение – страхом, а смысл труда – необходимостью выжить.

Актёры, прошедшие лагерь по политическим статьям, позже выходили на отечественные экраны и сцены, чтобы играть и популяризировать профессию героев-чекистов, защитников революции, олицетворение той самой системы, которая их ломала. Это было не просто лицемерие – это была логика эпохи. Человек мог быть жертвой утром и символом государства вечером. Мог быть осужден и сидел в лагере. Потом при пересмотре дела освобожден и занимать высокие должности. Яркий пример судьба главного конструктора космических кораблей С. Королева и многих других.

В этом не видели противоречия, потому что противоречие стало способом существования.

С одной стороны, всё это напоминало театр абсурда. Даже политические анекдоты появились в то время. В райкоме партии спрашивают молодого коммуниста:

– Колебался ли ты относительно линии партии?

– Колебался вместе с линией партии. – ответил молодой коммунист.

Сам автор и его семья жила в таком же мире абсурда. Дед автора был левым эсером. Руководители этой партии были репрессированы, а рядовые члены влились в ряды коммунистической партии. В годы большого террора дед был приговорен к расстрелу Особым совещанием. Но пока шли бумаги на его арест, он попал под поезд и погиб. Мысленно семья автора сказала спасибо машинисту. Поскольку отец автора не стал сыном врага народа и вся семья уцелела. Этот парадоксальный факт выявился, когда отца отправляли на работу за границу в Финляндию после окончания академии внешней торговли. Инструктор ЦК партии, изучая дело отца, тогда сказал:

– Вам Сергей Игнатьевич крупно повезло, что вашего отца во время задавил паровоз. С одной стороны я вам выражаю соболезнование, с другой стороны поздравляю. Он же был приговорен к расстрелу Особым совещанием. Ну это давние времена. Партия исправила ошибки тогдашних руководителей. Теперь вы как коммунист должны выполнять те-

кущие решения партии. Счастливого пути».

Таким образом возникал парадокс в решениях правящих органов. Сын врага народа сам становится коммунистом. Он оканчивает одно из престижных высших учебных заведений. Его отправляют работать не в какую то демократическую страну типа ГДР, а в наиболее теплое место для советских работников в капиталистическую Финляндию вместе со своей семьей. Таких работников отправляли с семьями, чтобы показать человечность коммунистического режима.

Детей даже брали на разные светские и дипломатические приемы. Дети также стояли в первой шеренге посольских работников при встрече правительственных делегаций и махали флажками.

Это и была советская жизнь. Жили, работали, влюблялись, пели песни.

«Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля,
Улыбается с рассветом вся советская земля...»

Звучала музыка, обещавшая целостность там, где её давно не было. «Кипучая, могучая, никем не победимая» – формула, в которой растворялась личная боль, страх и память.

И в этом – ключ к пониманию триумфа и трагедии. Советское сознание научилось совмещать несовместимое: страх и энтузиазм, унижение и гордость, репрессию и искреннюю веру. Оно позволяло жить внутри катастрофы, не называя её так. Именно поэтому система оказалась столь устойчивой. Она не требовала счастья – только участия. Не правды – только ритуала. Даже здесь в США этот ритуал соблюдался. Многие американские граждане советского происхождения, отмечая новый год, любят послушать поздравительную речь российского президента. Это приятное воспоминание о советском времени.

СССР был создан нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Многие граждане считали себя беспартийными коммунистами. Таких людей были миллионы в СССР.

Советский Союз или Россия, в них всегда поэт больше, чем поэт

Даже стихотворение было такое известного советского поэта:

«Двое в комнате я и Ленин
Фотографией на белой стене»

Они принадлежат **Владимиру Маяковскому**
Маяковский и Ленин: не одиночество, а слияние

У Маяковского Ленин в комнате – **не внешний наблюдатель и не навязанная тень**, а внутренний собеседник, почти соратник. Это не конфликт и не ирония, а форма интимной близости с революцией.

Комната у Маяковского – не частное убежище, а ячейка истории.

Ленин на стене – не символ давления, а источник смысла и оправдания существования.

Поэт не одинок – он **в паре с историей**.

Это ключевой момент раннего советского сознания:

личное растворяется в общем,
одиночество отменяется идеей,

ответственность перед собой подменяется ответственностью перед делом.

Маяковский здесь – **поэт интеграции**, поэт нерасщеплённого сознания.

Маяковский фиксирует **момент до взрыва**.

Ещё нет внутреннего конфликта.

Ещё нет сомнения.

Ещё нет дистанции между человеком и символом.

Комната выдерживает двоих.

Сознание не треснуло.

Но именно в этом – трагедия.

Потому что такая близость с идеей: не оставляет пространства для частного выбора, не допускает внутренней автономии, делает личную судьбу зависимой от исторического напряжения.

И Маяковский не выдерживает.

Его личный финал – первый сигнал того, что **единое сознание оказалось перегружено**.

Маяковский – это **момент сжатия**,

Маяковский – поэт нерасщеплённого советского сознания, в котором человек ещё способен жить в одной комнате с Лениным.

Что здесь про советское сознание

Гвозди бы делать из этих людей —

Крепче бы не было в мире гвоздей

Советское сознание, особенно в 1920-е годы, строилось на

нескольких ключевых идеях:

человек ценен прежде всего как часть коллектива; личное «я» должно быть подчинено общему делу; слабость, сомнение, внутренний разлад считаются почти пороком; человек обязан быть «крепким», «стальным» функциональным.

Маяковский искренне принимал эту модель. Его «гвозди» – это люди нового типа: без колебаний, без внутренней хрупкости, полностью пригодные для строительства нового мира. В этих строках нет иронии. Это вера.

Но в этом и трагедия. Если человек – гвоздь, то ему **нельзя гнуться**, нельзя трескаться, нельзя выпадать из конструкции. А живой человек не может таким быть бесконечно.

Противоречие Маяковского

Маяковский был: поэтом – предельно личным, эмоциональным, уязвимым; и одновременно – официальным голосом революции, агитатором, трибуном.

Эти роли вступали в конфликт. Его внутренняя жизнь не вписывалась в образ «крепкого гвоздя». Любовные драмы, одиночество, ощущение ненужности, усталость от идеологического давления – всё это нарастало.

К концу 1920-х ситуация усугубилась:

государство всё жёстче контролировало искусство;

футуризм и эксперимент становились подозрительными;

Маяковского критиковали уже не «старые», а «свои»; он начал чувствовать, что его поэзия больше не нужна в прежнем виде.

Для человека, который отождествлял себя с революцией, это было ударом по самой основе личности.

Советское сознание не оставляло пространства для слабости. А когда человек, воспитавший в себе культ прочности, ломается, он часто не видит других выходов.

Итог

Строки про «гвозди» сегодня читаются почти пророчески. Маяковский описал идеал, который сам не смог выдержать. Он требовал от человека быть железом, оставаясь плотью.

В конечном итоге это привело к гибели талантливого поэта, который подтвердил афоризм и повторил судьбу Пушкина., А. Лермонтова М., Есенина С. и многих других талантов.

О живучести советского сознания

От товарища В. Ленина до господина В. Путина эта многомерная матрица не исчезла. Она пережила смену эпох, потому что укоренилась глубже институтов – в привычке оправдывать происходящее, если «иначе нельзя». Люди разных поколений стали младшими братьями по несчастью не из-за общей идеологии, а из-за общего опыта: жить в истории, которая всегда сильнее человека.

Советский Союз ушёл, но советское сознание осталось как тень. Оно по-прежнему умеет петь, когда страшно, и верить, когда больно.

И, возможно, самая трудная задача будущего – не осудить его и не оправдать, а наконец разорвать этот круг. Потому что общество, привыкшее выживать в абсурде, слишком легко принимает его за норму.

Именно поэтому попытка разрушения этого сознания так болезненно отразилась в нынешнем конфликте. Речь идёт не только о границах, территориях или политических решениях. Столкнулись разные представления о человеке и истории. Для советского, а затем постсоветского сознания отказ от привычной схемы – где государство выше личности, а прошлое служит оправданием настоящего – воспринимается не как освобождение, а как угроза самому существованию.

Разрушение этого типа мышления означает утрату по-

следней опоры: если больше нельзя объяснить насилие необходимостью, жертву – величием цели, а страх – заботой государства, то человеку приходится оставаться один на один с ответственностью за собственную жизнь и выбор. Именно этого опыта советское сознание избегало десятилетиями, прячась за коллектив, песню, ритуал, лозунг.

Поэтому конфликт стал не только внешним, но и внутренним. Он вскрыл болезненное противоречие между стремлением к привычной исторической целостности и невозможностью сохранить её в прежнем виде. Попытка выйти из этого круга воспринимается как разрушение мира, а не как его переосмысление.

В этом и состоит трагическая логика настоящего момента. Советское сознание, пережившее свой государственный носитель, сопротивляется собственному исчезновению. Оно по-прежнему готово терпеть, оправдывать и подменять смысл выживанием. Но история не даёт бесконечных отсрочек. И потому нынешний конфликт – это не только борьба за прошлое, но и болезненный, ещё не завершённый разговор о том, кем человек должен быть без опоры на страх и принуждение. Поэтому наиболее эффективным способом видится разработка технологии адаптации советского сознания в новую идеологию российского рыночного капитализма. В теории абсурда при разработке консолидирующей философии столкнулись два противоречия в вопросах демократии, отношении к частной собственности и многом другом.

Учиться капитализму настоящим образом

У автора было две попытки следовать этим ленинским советам. В. Ленин в своих статьях писал о том, что нужно учиться у капиталистов развитию бизнеса, организации труда, но с оговорками на социалистический способ производства и отношений. Автор в детстве столкнулся с миром капитала, не соприкасаясь с ним в полном смысле этого слова. Автор учился в советской школе при посольстве в Хельсинки, по вечерам играл во дворе со сверстниками. Их родители также работали в посольстве, торгпредстве и других советских организациях. Только западный мир, абсолютно закрытый для большинства советских граждан, можно было видеть и чувствовать через, жевательную резинку, конфеты, джинсы, сервис в ресторанах и огромное количество интересных игрушек и игр. Вторая попытка осуществилась, когда автор выехал из новой России на постоянное место жительства в США как советский дедушка. Дети как и тысячи других бывших советских граждан в период шоковой терапии поняли: что никакого светлого будущее на родине им не светит. Собрали свои вещи и улетели. Там за океаном они обзавелись семьями, расплодились и им понадобились няньки для ухода за детьми. Так что дедушки и бабушки могли

решать сразу множество семейных задач, связанных с передачей исторических и семейных ценностей в молодые умы.

Младшие братья одной страны

На разных концах русского исторического маятника стоят две фигуры, символизирующие противоположные эпохи:

Товарищ В. Ленин – архитектор перехода России от капитализма к социализму,

Господин В. Путин – архитектор перехода России от социализма обратно к государственному капитализму.

И оба – “младшие братья по несчастью”, не в биологическом, а в историко-судьбоносном смысле. Каждый пришёл к власти после катастроф, которые разрушили старый порядок, но при этом оба оказались заложниками логики созданных ими систем.

Парадокс в том, что два лидера, идущие в противоположных направлениях, сталкиваются с одними и теми же вызовами: борьба за легитимность, управление хаосом, страх дезинтеграции страны и необходимость создать новый “скрепляющий миф”.

Сходство

1. Оба “владеют ситуацией”, создавая систему личной власти

В. Ленин создал вертикаль большевистского типа: партия

– мозг государства. О руководящей и направляющей роли партии даже было прописано в конституции.

В. Путин создал вертикаль бюрократически-силового типа: государство – мозг общества.

Обе модели требуют централизованного контроля и не терпят конкурирующих центров силы.

2. Оба использовали идеологию как инструмент стабилизации

В. Ленин – марксистско-революционную идею.

В. Путин – идею “стабильности”, “державности”, “исторического рванша”.

Обе идеологии были нужны не для будущего, а для управления настоящим.

3. Оба пришли после краха прежнего мира

В. Ленин – после распада империи, поражения в войне, экономического коллапса.

В. Путин – после распада СССР, дефолта, политического и экономического развала 1990-х.

В обоих случаях страна требовала “собрать осколки”.

4. Оба подменили реформы мобилизацией

У обоих реформы оказались второстепенными по сравнению с задачей удержания контроля:

В. Ленин – военный коммунизм, затем НЭП как вынуж-

денное отступление.

В. Путин – рыночность с государством во главе, затем политическое ужесточение.

Отличия

1. В. Ленин строил новую систему, В. Путин – восстанавливал старую

В. Ленин сверг капитализм и создавал общество нового типа.

В. Путин демонтировал постсоветскую демократию и отчасти вернул логику имперского государства.

2. В. Ленин действовал через утопию, В. Путин – через прагматизм

В. Ленин верил в историческую миссию.

В. Путин действует, исходя из реальной политики и интересов элит.

3. В. Ленин разрушал старые классы, В. Путин создаёт новые.

При В. Ленине ликвидировали буржуазию, дворянство, был ликвидирован царский административный аппарат.

При В. Путине сформировался государственно-олигархический класс.

4. В. Ленин жил в эпоху глобальной революции, В.

Путин – в эпоху глобальных рынков

И это определяет стиль политики:

В. Ленин – экспортер мировой революции. Вождь мирового пролетариата.

В. Путин – экспортер сырья и безопасности. Необходимо внести дополнения в дискуссии с искусственным интеллектом и можно добавить, что Россия поставляет на мировые рынки не только сырье, но также и технологическое оборудование, атомные электростанции и существенно доминирует на рынках продаж различных вооружений.

Мистическое столкновение двух фигур

История России сталкивает фигуры, которые отражают две крайности русского пути: революционный социализм и государственный капитализм. В Ленин, и В. Путин – не столько творцы системы, сколько её исполнители, люди, которых выдвинуло историческое давление.

Они похожи тем, что оба оказались в роли младших братьев, пришедших после краха старших братьев живших в прежних эпохах. Но их “несчастье” в том, что оба были вынуждены спасти страну через централизацию, а не через развитие общественно-политических институтов.

И потому шаг В. Ленина к социализму и шаг В. Путина к капитализму оказываются симметричными, как два разворота огромного корабля под названием Россия: курс меняется, а стиль управления остаётся тем же – ручное, персональное, сосредоточенное в одном центре.

Судьбы старших братьев и тень, определяющая путь младших

Есть в российской истории редкая, почти мистическая повторяемость: у двух лидеров, радикально изменивших стра-

ну, трагически погибли старшие братья по имени Александр и Виктор.

И оба младших брата – Владимиры – в итоге определили курс целой цивилизации.

Это создаёт сильнейший историко-мифологический ритм, в котором личная драма превращается в государственную философию.

1. Старший брат Ленина – Александр Ульянов

Студент, мечтатель, человек гуманитарного склада.

Втянут в террор как в единственный, хоть и страшный путь борьбы с автократией. Являлся членом тайной террористической организации «Народная воля». Участвовал в подготовке покушения на императора Александра 111. Был арестован, осужден и казнён в 1887 году.

Мифология СССР создала ключевую сцену, которая была отражена в картине. После казни Александра младший брат Владимир сказал:

“Мы пойдём другим путём”.

Эта фраза стала символом разрыва со старым миром и поиска исторической миссии, в которой В. Ленин уже не увидел в терроре жест мести – он превратил борьбу в системную революцию, рационально-теоретическую, построенную на партии, учении, планах.

Александр погиб – а Владимир решил продолжить ту же

борьбу, но в другой форме: не бомба, а партия. Не заговор, а идеология. Не эмоция, а структура.

Здесь целесообразно отметить, что и в США существуют народовольцы. Один конгрессмен высказал идею о том, почему в России не найдется парень типа Ли Харли Освальда, чтобы решить проблемы. А у президента США прострелили ухо.

2. Старший брат В. Путина – Виктор Путин

Родился до войны. Умер маленьким ребёнком в блокадном Ленинграде, одним из миллионов безымянных жертв. Его смерть стала частью семейной тени, огромной блокады (санкций) – катастрофы, которая формировала ленинградскую идентичность.

Ключевой момент: В. Путин никогда не знал брата лично, но всю жизнь жил с памятью о нём.

Его родители говорили о блокаде всегда с болью. Смерть старшего брата стала образом уязвимости, постоянного напоминания, что государство может быть слабым, и от слабости погибают дети.

3. Мифологическая пара: два Александр и Виктор – две трагедии – два пути

Александр Ульянов погиб из-за силы государства – монархия казнила его.

Виктор Путин погиб из-за слабости государства – оно не смогло защитить своих.

И здесь – ключевой философский переворот.

У В. Ленина ответом стала фраза:

“Мы пойдём другим путём” – путь уничтожения старой системы и построения новой.

У В. Путина, если попытаться перевести его жизненный путь в ту же символику, возникает другая формула, не произнесённая вслух, но угадываемая:

“Мы больше не позволим стране быть слабой”.

Это и есть его версия “другого пути”.

4. Политическое содержание двух “других путей”

В. Ленин: слабость государства → построить новое, сильное через революцию

Его логика: старое государство гниёт → его надо разрушить → создать железную партию, чтобы оно не распалось вновь.

Пафос: сила в идее и коллективе.

В. Путин: слабость государства → вернуть государству контроль, чтобы не повторилась трагедия

Его логика: слабое государство = хаос и гибель → необходимо сконцентрировать власть → государство – защитник нации.

Пафос: сила в вертикали и стабильности.

Оба “других пути”, как ни удивительно, ведут к центра-

лизации власти, но исходят из разной травмы:

Ленинская – травма репрессирующей силы государства.

Путинская – травма бессилия государства.

5. Политический параллелизм двух братьев Владимиров

Эта мысль идеально ложится в философскую формулу:

Старшие братья – это рана. Младшие братья – это ответ. История России – это способ ухода от боли, превращённый в государственную идеологию.

6. Главный вывод – историко-мифический

В. Ленин пошёл “другим путём”, чтобы государство перестало быть палачом. Хотя как показывает история Россия была залита собственной кровью. И Гулаг эффективно работал, создавая новые вооружения, атомную бомбу, ракеты и прочее.

В. Путин пошёл “другим путём”, чтобы государство перестало быть жертвой.

Но оба пути привели к тому, что государство стало сверх-сильным, персонализированным, незаменимым.

Старшие братья мифологический двигатель

Так судьбы двух погибших братьев стали мифологическим двигателем российской истории, где личная трагедия трансформируется в политическую концепцию масштаба эпохи.

Что может по этому поводу сказать психология в мистическом мифологическом представлении

Если смотреть **не с академической психологии**, а с точки зрения **мистико-мифологического мышления**, то тема смерти старшего брата приобретает **архетипическое значение**. Здесь важны не факты, а **символы**, которые культура и коллективное бессознательное «считывают» и разворачивают в судьбу.

Это надо рассматривать **не как утверждение**, а как **интерпретационную рамку**, в которой подобные сюжеты обычно понимаются.

1. Архетип «павшего первенца»

В мифологии и глубинной психологии (Юнг, Кэмпбелл) существует устойчивый мотив:

Первенец погибает – младший становится носите-

лем судьбы рода / мира.

Старший герой гибнет → младший завершает незавершённое

Смысл архетипа:

первый приносится в жертву, чтобы второй получил *право и обязанность* действовать.

В мистическом прочтении младший **живёт «за двоих»**.

2. «Замещённый живущий» (психомифология)

В психо-мифологическом поле существует фигура:

Ребёнок, пришедший на место умершего

Даже если он родился позже и не знал погибшего.

Символические последствия: повышенное чувство долга, ощущение «меня оставили не просто так», холодная собранность, склонность к исторической миссии, а не личному счастью.

Это не травма, а **инициация без обряда**.

3. Две формы жертвы – два типа судьбы

Если рассматривать **мифологически**, то разница между В. Лениным и В. Путиным выглядит так:

В. Путин: брат жертва хаоса истории (война, голод), смерть – *молчаливая, безымянная*, мифологически → «долг

сохранения»

4. Миф «выжившего вместо другого»

В мистическом сознании выживший часто несёт: тяжесть судьбы, сниженный доступ к спонтанной радости, способность к долгому терпению, готовность к одиночеству.

Это не обязательно осознаётся, но проявляется как:
«Я здесь, чтобы выдержать»

5. Тень погибшего брата

В мифологии погибший старший брат часто становится: **невидимым спутником**, «молчаливым свидетелем», внутренним мериллом

Отсюда: минимализм чувств, подозрение к слабости культ выживания и структуры

6. Коллективный миф и эпоха

Важно: миф работает **не только в личности**, но и в эпохе.

- Ленин → эпоха требует **смысла и жертвы**
- Путин → эпоха требует **выживания и удержания**

Миф «умершего старшего брата» резонирует с историче-

ской ролью.

7. Итоговая формула (мифологическая)

Там, где старший погиб, младший не имеет права быть частным человеком.

Он становится: либо носителем идеи, либо носителем мира как структуры.

Это **язык мифа**, которым человечество тысячелетиями объясняло, почему одни люди берут на себя больше, чем человеческая мера.

Россия как культура «утраченного первенца»

В глубинном мифе русской культуры постоянно повторяется сюжет:

Лучший / старший / первый – погибает.

Оставшийся – живёт не за себя, а “за всех”.

Это не просто литературный мотив, а **культурная инициация.**

Исторические пласты: войны с колоссальными потерями, репрессии, голод, эмиграции, «сломанные поколения»

В результате формируется архетип:

выживший ≠ счастливый,

выживший = несущий.

Православный слой: жертва вместо успеха

Русская культура глубоко впитала **христианский мотив замещающей жертвы**: «страдание очищает»,

«кто смирится – возвысится», «спасётся не сильный, а терпящий»

Советский миф: павший как оправдание живого

В СССР сформировался особый миф:

Павшие легитимируют живых.

- «они отдали жизнь – мы должны...»
- живой обязан быть строгим
- личное счастье подозрительно

Погибший брат – не трагедия, а **моральный кредит**, который нельзя растратить.

Российская власть как функция выжившего

В мифологическом смысле российский лидер – это часто: не победитель, не реформатор, **выживший после катастрофы**

Он: держит, удерживает, не даёт распасться

Это перекликается с образом:

«остался один – значит, не имеешь права на слабость».

Коллективная психология семьи

В российских семьях (особенно военных и послевоенных): погибший ребёнок становится **невидимым стар-**

шим, живущие растут под его тенью, «он бы мог...» звучит молча

Это формирует: сдержанность, нелюбовь к излишествам, культ долга

Символическая формула русской культуры

В России живут не “после”, а “вместо”.

Вместо:

- погибших
- не родившихся
- не вернувшихся

Отсюда особая тяжесть исторического времени и особое уважение к выжившим, которые **не радуются**.

Итог

В мифо-психологическом ключе российской культуры:

- погибший старший брат – **хранитель смысла**
- выживший младший – **носитель бремени**
- судьба – это не выбор, а обязанность
- власть, труд, терпение – формы искупления

Это объясняет, почему в российском культурном коде:

- трагедия выше успеха
- память сильнее будущего

- молчание ценится больше слов

За того парня

После Великой Патриотической (отечественной) войны партия создала для молодежи патриотическую акцию, которая созвучна с вышеизложенной и укрепляет идеологические позиции советского сознания.

Общий смысл

Название отсылает к известному советскому мотиву памяти и преемственности поколений: жить, учиться и трудиться «за себя и за того, кто не дожил». Идея строилась вокруг уважения к прошлому, коллективной ответственности и личного вклада в общее дело.

Идеологическая основа (исторически)

- **Память о поколениях:** прежде всего о войне, индустриализации, труде.
- **Коллективизм:** ценность общего результата выше индивидуального успеха.
- **Труд и служение:** работа как форма самореализации и общественной пользы.

- **Справедливость и равенство:** критика социального расслоения.
- **Личное достоинство:** «быть достойным памяти».

Целевая аудитория (в советской традиции)

- Школьники старших классов, студенты, молодые рабочие.
- Формат – воспитательный и культурный, часто через кружки, комсомольские проекты, творчество.

Основные формы реализации (как это выглядело)

1. Культурные практики

- Плакаты, стенгазеты, фотовыставки.
- Песни, поэзия, театральные постановки.
- Образы: рабочий, солдат, студент; строгая эстетика, красно-чёрная палитра.

2. Образовательные форматы

- Встречи с ветеранами и тружениками.
- Исторические лекции и дискуссии.
- Проекты по локальной истории (район, завод, вуз).

3. Социальная активность

- Субботники, шефство, волонтерство.

○ Коллективные трудовые соревнования (без личной коммерческой мотивации).

Визуальная символика

- **Портреты** (часто в строгой рамке): герои труда, военные, мыслители.
- **Контраст**: ч/б прошлое ↔ цветное настоящее.
- **Пространство**: комната, класс, клуб – «место памяти».
- **Слоган**: короткий, без личных имён, с акцентом на «МЫ».

Воспитательный посыл (как он формулировался)

- «Ты – продолжение истории».
- «Твой труд имеет смысл вне личной выгоды».
- «Память – это действие, а не только слова».

Современное осмысление (без идеализации)

- Сегодня подобные идеи рассматриваются как **часть истории и культуры**, с критическим анализом:
 - плюсы: солидарность, социальная ответственность;
 - минусы: давление коллектива, идеологизация, ограни-

чение индивидуальности.

- В академическом и художественном контексте тема используется для осмысления прошлого, а не для прямого переноса в настоящее.

Здесь уместно отметить акцию международного значения под названием «Бессмертный полк», которая созвучна в вышеизложенным.

Идти своим путем, переступив красную черту

Во время разгула российской демократии и роспуска коммунистической партии центральные власти в состоянии сильного опьянения свободой провозгласили: «Берите власти столько сколько хотите». Отрезвление пришло вскоре. «Идти своим путём» оказались политической ошибкой и стали печальным примером того, как благие намерения могут привести к разрушительным последствиям. Однако даже этот опыт не стал уроком для других поколений – ни в дискуссиях о допустимых пределах автономии, ни в поисках «красной черты», переступать которую было нельзя. Руководство предпочитало не слышать предупреждений и продолжало действовать внутри логики партийно-бюрократического аппарата.

Сегодня, когда вновь ведётся спор о «своём историческом пути», важно напомнить: построение государства, по Марксу, начинается с границ. Формирование границ республик в СССР происходило не через волеизъявление граждан, а через сложные и зачастую закулисные решения партийной элиты. Эти территории стали «братскими республиками» не в результате природного исторического процесса, а как конструкция, созданная в духе времени – административная,

идеологическая и во многом условная.

Когда же после распада СССР эти республики превратились в самостоятельные государства – молодые, капиталистические, демократические, – перед ними возникла задача подтвердить свою государственность уже на собственных основаниях. В условиях отсутствия общей партийной системы, которая долгое время сдерживала проявление межнациональных и межрегиональных конфликтов, прежние административные линии превратились в настоящие межгосударственные границы. А вместе с границами появились и противоречия, неизбежные для стран, чья государственность возникла не из народного выбора, а из политического решения другого центра.

Наиболее уязвимое звено в этой новой системе проявилось в отношениях между Соседом и Россией. Там, где раньше существовала формальная административная перегородка внутри общей страны, теперь возникла линия политического и исторического разлома. И этот разлом, будучи порождён старой конструкцией, обнажил всю глубину нерешённых вопросов – идентичности, суверенитета, исторической памяти и политического курса.

Жизнь как в советском анекдоте

Особенностью советского периода было распространение в народной среде анекдотов разных тематик. Один относится и к этой главе. Встречаются два гражданина определенной национальности отличной от русской.

– Слушай Соломон – сегодня будут нас бить. Так что будь бдительным.

– Так по паспорту я русский-сказал Соломон

– Так бить то будут не по паспорту, а по морде.

– это не про документы и формальный статус, а про **реальное восприятие и практику насилия.**

Анекдот говорит о трёх вещах:

1. **Юридическая идентичность** не всегда защищает.

2. **Фактическая идентичность** (как тебя видят другие) важнее на практике.

3. В условиях конфликта **правила и гарантии перестают работать.**

Перенос на современные конфликты (в общем виде) укладывается в известную политологическую логику:

1. Формальная независимость ≠ реальная безопасность

- Признание государств или республик
- Международные договоры
- Гарантии, меморандумы, соглашения

всё это работает **только пока существует политическая воля их соблюдать**

2. Когда начинается вооружённый конфликт

Включаются другие механизмы: сила, страх, мобилизация идентичностей, логика «свой / чужой».

И тогда: смотрят не на документы, не на подписи под договорами, а на то, **кто ты “на самом деле” в глазах противника**. Ровно как в анекдоте.

3. Почему договорённости «не сработали»

Исторически это происходит, когда: одна или несколько сторон считают договор **временным**; баланс сил меняется; гарантии не подкреплены механизмом принуждения; внешние гаранты не готовы реально вмешиваться.

В итоге право уступает место факту.

В момент насилия формальные конструкции рушатся, а реальность определяется грубой силой и восприятием.

Это не оправдание конфликта, а **трезвое наблюдение**, которое многократно подтверждалось в истории – от XX века до сегодняшнего дня.

Яркий пример этого договор о ненападении между Германией и СССР.

Почему эта логика опасна

Потому что она: обесценивает право, разрушает доверие к гарантиям, делает любой статус условным, закрепляет принцип «прав тот, кто сильнее».

И именно поэтому после каждого крупного конфликта мир пытается **вернуться к правилам**, даже понимая, что они хрупкие.

Два «плавильных котла»: США и СССР

США традиционно называют «плавильным котлом» потому, что туда прибывали миллионы мигрантов. Они говорили на разных языках, исповедовали разные религии, имели разные традиции, но постепенно **ассимилировались** через: английский язык; рынок труда; школу и университет; гражданство и правовую систему.

Американский котёл работал **снизу вверх**: человек сам был заинтересован встроиться в систему, потому что это давало экономический и социальный лифт. Государство задавало рамки, но не формировало элиту напрямую.

Советский Союз создал принципиально иной тип «плавильного котла».

Он был ориентирован не на массового гражданина, а на **управленческую и идеологическую элиту**.

Его центр находился в **Москве**, где: обучали кадры из всех союзных республик; формировали единый язык власти – марксистско-ленинский; стирали региональные и национальные различия в пользу **партийной идентичности**.

Этот котёл работал **сверху вниз**: от Центрального комитета партии; через обкомы, горкомы и райкомы; к населению.

Это процесс, при котором власть воспроизводит сама себя, допускает в центр только тех, кто вырос внутри системы, прошёл её испытания, перенял её язык, страхи и привычки. Такой механизм не допускает притока нового, а только усиливает внутреннюю замкнутость.

В СССР этот процесс начался с вливания революционных лидеров в партийный центр. Из разных регионов, фракций, группировок они сходились в одну точку – в ЦК, где постепенно происходило своеобразное «кровосмешение» идеологий, биографий и лояльностей. Система не терпела чужих: она ассимилировала, переплавляла, делала всех похожими. Так создавалась новая номенклатура. «Ленинский тончайший слой». При этом даже «кухарки» учились управлять государством.

Позже, в эпоху развитого социализма, внутреннее сращивание элит стало неотъемлемым механизмом управления: человек мог стать лидером только пройдя долгий путь – комсомол, партия, хозяйственные органы, аппарат. Власть стала не столько институтом, сколько династией бюрократических кланов, существующих внутри одной идеологической крови.

Когда же СССР распался, казалось, что появится шанс на приток свежих лидеров. Но и в постсоветское время можно заметить сходный феномен: в центр постепенно вливались только те, кто был выращен системой – сначала партийно-комсомольской, затем силовой, финансовой или корпоративно-государственной.

Так образовался новый круг внутреннего кровосмешения, когда смена лидеров не означает смену принципов, а «новые» люди оказываются продолжателями старой политической культуры.

Центр власти поглощает лидеров, делает их частью своей структуры, вместо того чтобы обновляться вместе с обществом.

Так возникает основной вывод:

Историческая Россия не допускает естественной эволюции элит – она постоянно воспроизводит себя через символическое кровосмешение, превращая лидеров в наследников системы, а не в реформаторов.

Именно поэтому республики «шли своим путём» лишь номинально, а центр оставался центром – с прежними инстинктами.

История показала, что истина политического проекта раскрывается лишь спустя годы. Система непримиримой борьбы, созданная для построения светлого будущего, требовала от этого узкого слоя революционеров способности формировать команды, отдавать приказы и проводить их в жизнь без колебаний. Так возник феномен политического «вливания» в центр: из разных регионов СССР. В Москву поднимались люди, несущие в себе интернациональные традиции и революционный темперамент.

Произошло своеобразное символическое кровосмешение: Троцкий, Ленин, затем Сталин, Каганович, Хрущев,

Брежнев – каждый из них, физически и биографически, формировал новую элиту, которая питалась кадрами со всей страны. Эта элита напоминала большое генеалогическое дерево, корни которого глубоко уходили в республики и регионы Союза. Генеалогия создавала возможности для реального породнения этих элит. Корни питали ствол энергией, идеями, людьми, лояльностью, трудом и надеждами.

Пока корни были живы, дерево могло расти. Но когда в конце XX века начали отрезать эти корни, пытаясь превращать республики в самостоятельные государства – дерево почувствовало, что теряет опору. И опасность была не только политической, но и цивилизационной: система, которую создавали десятилетиями, оказалась на грани распада.

Ситуацию усугубило то, что «отрезание корней» происходило с помощью своего рода «бензопил импортного производства» – через идеи, экономические модели и политические решения, пришедшие извне. Корни, веками впитывавшие соки регионов, оказались под угрозой не в результате внутренней эволюции, а из-за резкого навязанного перелома.

Так выяснилось, что *идея В. Ленина о тончайшем слое* и *идея И. Сталина о построении советского общества с его тезисом «Кадры решают все»* были основаны на понимании общей системы питания. Элита существует только тогда, когда связана с народом через свои корни. Как только эти связи разорваны, дерево истории начинает терять устойчивость.

Поэтому у дерева возникает первоочередная задача обретения устойчивости в таких условиях.

Перемещение в пространстве и времени

В нынешнее время Россия в некоторых своих чертах напоминает советское государство первых месяцев Великой Отечественной войны – но не в военном, а в символическом и психологическом смысле. Тогда, в 1991 году, страна столкнулась с ситуацией, когда границы стремительно смещались, часть территорий переходила под контроль сил, которые в Москве считались враждебными, а восприятие угрозы переживалось как испытание на разрыв исторического пространства.

Сегодня в образном плане можно увидеть некие отголоски той же тревоги: отдельные регионы бывшего общего пространства – России, Соседки и Белоруссии – которые ещё недавно воспринимались как части единой цивилизационной плоскости, оказались втянуты в конфликт различного масштаба и характера. Эти земли в своё время были фундаментом, на котором строился Союз, и поэтому любые изменения их политических контуров всегда воспринимались в Москве особенно болезненно.

Смена власти у Соседки привела к серьёзному политическому разлому, а затем – к тому, что российское руководство обозначило как «специальную военную операцию».

Конфликт, который, казалось бы, должен был быть кратким, затянулся, превратившись в многоуровневую и противоречивую реальность, где политические, гуманитарные и исторические слои переплетаются в сложный узел.

В этой ситуации внешние игроки – государства Запада – начали оказывать материальную поддержку Украине, что в российском восприятии приобрело черты интервенции нового типа, уже не прямой, но косвенной, технологической и финансовой. С точки зрения символического восприятия Кремля, такая поддержка стала частью большого геополитического давления.

По мере развития конфликта возникла новая метафора – эпидемиологическая. Не в буквальном медицинском смысле, а как образ распространения нестабильности, которая проникает через границы, затрагивает международную систему безопасности и требует усилий, сопоставимых с международной «санитарной обработкой» – то есть попытками сдерживания, стабилизации, контроля последствий.

Затянувшийся конфликт распространяется на различные сферы – экономику, дипломатию, информацию, психологию масс – подобно тому, как инфекция меняет среду, в которой развивается.

Россия, как и весь регион, живёт в условиях этой «символической эпидемии», которая требует уже не только силовых или политических решений, но и понимания глубинных причин разлома – исторических, культурных и цивилизаци-

ОННЫХ.

Не буди лихо пока оно тихо

Исторический пример может становится уроком – для народов и для государств. Современная Россия – яркое подтверждение этого. Несмотря на капитализацию экономики по образцу НЭПа, страна сохранила значительную часть советского наследия в символическом и политическом пространстве. Памятники советским лидерам охраняются государством как элементы национальной памяти. В качестве примера у кремлевской стены похоронена видная коммунистка Р. Землячка. Она была руководителем крымской ЧК и участвовала в уничтожении офицеров Белой армии, оставшихся в Крыму. Коммунистическая партия, вопреки прогнозам о её исчезновении, сохраняет заметное влияние в парламенте и представлена в политической системе как легальная и институционально устойчивая сила. Мавзолей на Красной площади остаётся в центре страны – не только географически, но и как часть ритуальной государственной архитектуры. Даже как образцово-показательный пример для российских бизнесменов, Жить и работать так как завещал великий Ленин. Построить для себя бизнес и впоследствии свой мавзолей. Рабочие также обожествляли бы своего хозяина.

Таким образом, в России возник уникальный синтез: капиталистическая экономика соседствует с символами и ин-

ститутами советской эпохи, которые получили вторую жизнь в новых условиях. Кремлёвская власть демонстрирует гибкость в вопросах консолидации общества – она не разрушила советские символы, а встроила их в новую государственную идеологию, превратив прошлое в ресурс легитимности. Кроме того в средствах массовой информации появляются художественные фильмы и сериалы, отражающие как негативные стороны советской действительности так и положительные. Это создает в сознании россиян двойственное представление об исчезнувшем советском мире. Издаются заметки и рукописи руководителей Белого движения. В период шоковой терапии на кафедре автора шли дискуссии о советском времени. Автор написал статью, что для таких случаев необходимо иметь в сознании два представления научно – историческое и мифологическое. На самом деле автор эту идею взял из американских источников и мифологии американских праздников.

День благодарения и советские истории основания

Один механизм – разные декорации.

Американский миф

Сюжет: Пилигримы голодали → индейцы помогли → совместный пир → рождение нации.

Смысл мифа:

- Америка родилась из **взаимопомощи**.
- Разные люди могут сесть за один стол.
- Государство начинается не с насилия, а с благодарности.

Что скрыто:

- Колониальное вытеснение индейцев.
- Войны и разрушение племён.
- Ассиметрия сил, возникшая почти сразу.

Советские мифы основания

Сюжеты (варианты):

- Рабочие и крестьяне поднялись → свергли угнетателей → построили справедливое государство.
- Ленин – носитель истины, партия – разум эпохи.

- Народ и власть едины.

Смысл мифа:

- СССР возник из **справедливости и исторической необходимости.**

- Насилие – вынужденное и временное.

- Партия выражает волю народа.

Что скрыто:

- Гражданская война.

- Массовый террор.

- Насильственная мобилизация общества.

Общее между ними

- Оба мифа **упрощают начало.**

- Убирают конфликт и кровь.

- Делают прошлое **морально удобным.**

- Предназначены прежде всего **для школы и праздников**, а не для анализа.

И там и там: сложная история превращается в короткий, легко запоминающийся рассказ.

Главное различие

Американский миф оставляет пространство для сомнений и пересмотра. Его можно критиковать, уточнять, пере-

писывать.

Но все равно возникают конфликты. Поскольку и тут в США действительна российская поговорка: «Закон что дышло. Куда повернул туда и вышло». Страна насыщена личным оружием и закон Кольта никто не отменял. Некоторые потомки чувствуют дискомфорт как след, связанный с дискриминацией их предков.

Советский миф был догмой.

Его нельзя было оспаривать без риска. В данном случае всегда в России (СССР) существовали смелые бесстрашные люди (новые революционеры). Видя искажения неких ленинских принципов управления, они могли восстать. Такие события происходили и в среде военных и комиссаров.

Вывод

Мифы основания нужны любому государству.

Вопрос не в том, **есть ли миф**, а в том:

- допускает ли он критику;
- и можно ли говорить о тёмной стороне начала вслух.

День благодарения – это **праздник поверх трагедии**.

Советские истории основания – **идеология поверх травмы**.

В современной России сейчас допускается в рамках учебных программ обсуждать злободневные вопросы текущих событий, избегая конфронтационных моментов.

Обобщая такие мифы необходимо отметить, что благо-
раживая США как страну учителя и наставника для России
в рыночном пространстве должны учитывать что и там бы-
вают антидемократические проколы.

Соседи при испытании на терпение

В советское время была популярна песня, в которой были
слова: «В нашем доме поселился замечательный сосед». Ко-
гда Советский союз был общим домом, то тогда пели: «Наш
адрес не дом и не улица, наш адрес Советский союз». Созда-
ние независимых государств привело к созданию границ.

Поэтому под боком у России появился сосед, где истори-
ческая память структурирована иначе. В отличие от россий-
ской модели, соседнее государство стремится переосмыс-
лить советское наследие через призму национального строи-
тельства, а иногда – через противопоставление Москве. Там,
где Россия удерживает continuity – преемственность, – сосед
выбирает discontinuity – разрыв.

Эта разница в исторических траекториях, политических
мифах и символической географии делает пространство
между двумя странами напряжённым. Прошлое становится
не источником единства, а полем борьбы за интерпретацию.
То, что ещё недавно воспринималось как общая память, пре-
вращается в объект политического соперничества.

Таким образом, современное противостояние двух сосед-

них государств – это не только конфликт интересов или внешнеполитических ориентаций. Это столкновение двух моделей обращения с историей, двух способов осмысления советского наследия, двух путей превращения прошлого в инструмент национальной идентичности.

Не буди спящую собаку

В отличие от английской версии в России есть однотипная старинная поговорка: «не дразни гусей». В политико-символическом смысле она означает: не совершай действий, которые могут пробудить дремлющие чувства, особенно если эти чувства уходят корнями в историю. Когда соседнее государство разрушает памятники советской эпохи, переименовывает улицы и города, избавляясь от наследия, которое когда-то воспринималось как общее, – это неизбежно вызывает в России болезненную реакцию. Для части общества подобные шаги выглядят как отказ от былой братской связи и как жест, направленный против исторической памяти. В политическом плане такие действия действительно способны порождать новых противников. Память о советском периоде для многих людей остаётся не просто историческим фактом, а частью личной биографии и национальной идентичности. Особую энергию протест вызывает разрушение памятников имперского или дореволюционного периода. Это уже затрагивает не советское, а глубинно русское культурное наследие. Такие действия воспринимаются в России как символическое покушение на многовековую историю, и именно поэтому они могут пробуждать элементы национального самосознания. В наиболее резкой форме оно проявляется в виде русского великодержавного шовинизма, с которым так бес-

пощадно боролись большевики. Большевистская критика великодержавного шовинизма по своему подобию была схожа с критикой американского расизма.

1. Что большевики называли «великодержавным шовинизмом»

В ленинском понимании это было: доминирование «большой» нации (прежде всего русской) над «малыми»; (Старший брат в упрощенном виде) навязывание языка, культуры, административной воли;

представление, что центр **имеет естественное право управлять периферией**;

оправдание неравенства через «историческую миссию», «цивилизаторскую роль».

В. Ленин считал шовинизм **главным врагом интернационализма**, опаснее даже местного национализма угнетённых народов.

2. Что такое американский расизм (в классическом виде)

Если убрать моральную оценку и оставить структуру, то это: доминирование «белого большинства»;

институциональное неравенство (право, доступ к ресурс-

сам, насилие);

представление о «норме», где одна группа – стандарт, а другие – отклонение;

оправдание неравенства через «культуру», «биологию», «закон и порядок».

Важно: речь не только о бытовом расизме, а о **системе**.

3. Структурное сходство (ключевая связь)

1. Ассиметрия власти: И там и там:

есть группа-гегемон;

есть группы, чья лояльность и “правильность” постоянно проверяется

Неравенство не случайно – оно встроено.

2. Формальное равенство ≠ реальное равенство

В СССР формально все народы равны, но на практике – центр решает.

В США формально все граждане равны, но на практике – раса влияет на шансы, безопасность, статус. Конечно в этом случае патриоты США могут возразить. Сам автор лично на работе получал инструкции, что делать, если вы подверглись дискриминации в этом направлении и куда обращаться. Однако же разные события показывают, что проблема все еще не решена.

3. Оправдание через универсализм

Очень важный момент.

Большевики говорили:

«Мы не русские – мы интернационалисты», но русская культура и язык де-факто доминировали.

США говорят:

«Мы не белая страна – мы страна равных возможностей», но белая норма остаётся доминирующей

4. Разница в критике

Большевиистская критика

Основана на **классовом анализе**.

Национальное угнетение – производное от империализма.

Решение: формальное право на самоопределение + социализм

Американская критика расизма

Основана на **гражданских правах и идентичности**.

Расизм – не только экономический, но и культурный, символический.

Решение: правовое равенство, создание консолидирующих моментов в кино, рассказах и прочих средствах массовой информации. В полицейских сериалах обязательно должны присутствовать белый и афроамериканский напарники и другие мероприятия. День Мартина Лютера Кинга –

федеральный праздник.

5. Парадокс (самая интересная точка)

Большевики правильно описали механизм угнетения, но:

недооценили глубину культурного и символического доминирования;

воспроизвели часть великодержавных практик под новым языком.

А США: декларируют равенство, но долго игнорировали системный характер расизма,

считая его «пережитком», а не структурой.

400 лет прошло, а проблема еще не решена. Так что ждать от соседей, существовавших в совершенно иной политической среде, если у них с того времени прошло всего несколько десятков лет.

6. Краткая формула связи

Великодержавный шовинизм и расизм – это разные исторические формы одной логики: нормализация доминирования одной группы под видом универсального порядка.

Исторический пересмотр большевистских трактовок

Но эту затею большевикам пришлось оставить. Поскольку 22 июня 1941 года советский интернациональный народ проснулся в совершенно другом измерении. И тогда Сталин обратился к народу со словами, символизирующим родственную связь: «Братья и сестры». Это и пробудило то самое национальное самосознание. Это послужило существенным подспорьем для того, чтобы советские сапоги топтали улицы Берлина. Поэтому соседский снос памятников царского периода еще более опасен по сравнению с советскими периодом потому, что он пробуждает русский национализм. А это очень плохой знак для страны с ракетно-ядерным статусом. В истории уже был период, когда подобные процессы активизировали эмоциональные силы общества. После Победы в 1945 году Сталин говорил, что именно русский народ внёс решающий вклад в разгром нацизма. Это заявление несло в себе новую ноту: в годы войны Кремль сознательно усиливал символы национального единства – возвращал имперские ордена, изменил форму армии, поддерживал фильмы и образы, апеллирующие к глубоким слоям исторической памяти. Были открыты православные храмы, поскольку народу надо было верить не только в победу, а и чудесное спа-

сение или выздоровление своих родных.

Иначе говоря, то, что большевики когда-то пытались подавить как великодержавный шовинизм, во время войны снова стало инструментом консолидации.

Сегодня возникает похожая ситуация. События вокруг символов, памятников и исторических названий – особенно, если они воспринимаются как демонстративные жесты разрыва – могут приводить к пробуждению тех самых чувств, которые в пословице называются «лихом».

Поэтому и возникает старое предостережение:

«не буди лихо, пока оно тихо».

Историческая память – вещь тяжёлая, многослойная. Она может долго находиться в пассивном состоянии, но иногда достаточно одного символического удара, чтобы глубокие пласты ожили и превратились в мощный политический импульс.

Память о прошлом воздействует на политические решения настоящего

1. Память – это не архив, а активный политический инструмент

Историческая память не лежит в стороне от политики. Она живёт в символах, памятниках, топонимах, государственных ритуалах и даже в школьных учебниках. Для государства память – это не просто «прошедшее», а ресурс управления настоящим.

Когда власти обращаются к прошлому, они не описывают его – они конструируют его смысл. От этого смысла зависит, в каком направлении будет направлено общественное движение.

2. Спор о прошлом – это спор о том, кто имеет право на будущее

Любое переосмысление истории неизбежно меняет структуру политической легитимности.

Память становится политическим компасом, задающим курс страны.

3. Символы прошлого рождают эмоции, а эмоции формируют политику

Политические решения принимаются не только на основе расчёта, но и под воздействием эмоций общества.

Разрушение памятников, переименование улиц, запрет символов – всё это вызывает эмоциональную волну, которая может вылиться в: ужесточение внешней политики, рост национализма, усиление оборонной риторики, консолидацию власти, или, напротив, – стремление к дистанцированию от

прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.